

В.М. Розин

Опыт междисциплинарного социологического исследования (на материале книги З.Баумана «Актуальность холокоста»)

Розин Вадим Маркович – доктор философских наук, профессор, ведущий научный сотрудник. Институт философии РАН. 119991, Россия, Москва, ул. Волхонка, д.14, стр. 5; e-mail: rozinvm@gmail.com

В статье анализируется книга З. Баумана «Актуальность холокоста». Реконструируются четыре основные задачи, которые решает автор книги (дать научное объяснение холокоста, привлечь общество и социологов к новому осмыслению этого страшного явления, осуществить критику социологических методов, сформулировать уроки холокоста). Обсуждается подход Баумана к решению этих задач: он мыслит не только как ученый, но и философ и методолог, а также публицист. Разбираются «находки» Баумана в ходе решения указанных задач: сочетание разных методов изучения (исторического, гуманитарного, социологического, культурологического, социально психологического, институционального), анализ влияния социальных машин на сознание и поступки индивидов, реализация технологического (социально-инженерного) подхода, разведение двух антропологических горизонтов – социетального и личностного. В ходе анализа были задействованы методы сравнительного анализа, методологическая проблематизация, реконструкция текста книги, осмысление и обобщение. Складывается впечатление, что Бауман использует холокост скорее как материал для поиска новых способов изучения социальных явлений. Кроме того, он показывает, что главными причинами холокоста выступили: необычное стечение обстоятельств, европейская традиция антисемитизма, реализация государством расовой теории фашистов, социально-инженерный подход к обществу и человеку, трансформация сознания отдельных индивидов и масс под влиянием хорошо отлаженной социальной технологии.

Ключевые слова: общество, холокост, социальная инженерия, технология, государство, мораль, нравственность, сопротивление, действие, реформа

Хотя книга вышла четыре года тому назад, прочел я ее только сейчас. В прошлом году методолог Людмила Карнозова пригласила меня на свой семинар в Институт государства и права, где обсуждается эта работа всемирно известного английского социолога Зигмунта Баумана, польского происхождения и еврея. Прочтя «Актуальность холокоста», я понял, почему эта книга столь популярна в научных и общественных кругах и среди думающей интеллигенции; она, действительно, оказалась настолько интересной, что мне стало понятно, почему ее обсуждают на методологическом семинаре уже больше года. Мало того, что Бауман дает одно из лучших научных объяснений холокоста, его работа ставит много совершенно актуальных проблем и вопросов, заставляющих социологов пересматривать отношение не только к этому страшному явлению, но также к своей науке; кроме того, в этой замечательной книге мы открываем для себя новую реальность, которую, вероятно, в той или иной мере могут положить в свое основание и другие социальные науки, а не только социология.

Но тогда какие задачи ставлю я, имея дело со столь интересной и совершенной работой? Позиционируя себя как философа и методолога, хочу, во-первых, артикулировать и отчасти проблематизировать подход и способы мышления Баумана, во-вторых, обсудить особенности реальности, на которые он указывает. На мой взгляд, именно методология должна рефлексировать и осмыслять мышление ученого, а философия кроме того еще и конституировать новую реальность, обсуждая и характеризуя ее категориально. Хотя Бауман, вероятно, считает себя социологом, в своих исследованиях, и эта в данном случае не исключение, он обращается и к другим научным дисциплинам – истории, социальной психологии, культурологии, философии техники, аксиологии. В этом отношении его работа вполне может быть отнесена к междисциплинарным исследованиям. Реализуя распространенный социологический подход, предполагающий объективный анализ причин, факторов и процессов, и в этом плане тяготеющий к естественнонаучному дискурсу, Бауман одновременно мыслит вполне гуманитарно, хотя из данной работы неясно, осознает ли он это обстоятельство.

Здесь, правда, стоит объяснить, что автор (Розин) понимает под гуманитарным подходом. Мои исследования показывают, что важны, по меньшей мере, три момента. Гуманитарий начинает

свое движение с осмысления и артикуляции экзистенциальной ситуации, в которой он оказался; именно ее гуманитарий и пытается разрешить, опираясь на научное исследование. Он рассматривает предмет своей мысли двояко: как объект изучения и как субъекта, с которым он вступает в различные отношения. Как говорил М. Бахтин, предметом гуманитарного подхода выступают два духа, изучаемый и изучающий, диалогическое взаимодействие духов; утверждал он также, что нужно предоставить голос изучаемому субъекту, а не рассматривать его только как объект. Наконец, особенностью гуманитарного дискурса является взаимообусловленное движение в двух эпистемических плоскостях: на одной изучаемый трактуется как объект, которому исследователь приписывает вполне определенные характеристики, позволяющие непротиворечиво мыслить и вести строгое научное объяснение, на другой – гуманитарий вступает в диалогические отношения с изучающим (предоставляет ему голос, выслушивает, задает вопросы, старается понять его поступки и прочее)¹.

Так вот и для Баумана исследование холокоста было вызвано не абстрактной проблемой или простым научным интересом, а личной экзистенциальной ситуацией, причем двоякого типа: как такое может быть, что развитый европейский народ уничтожил миллионы евреев, и не только – десятки тысяч собственных «неполноценных сограждан», цыган, славян², и не повторится ли холокост снова, вроде бы для этого в современности есть все условия. Эта ситуация для Баумана была и личной (как для еврея и гуманиста) и, так сказать, социальной, и опять-таки двоякой: почему это социология, представителем которой он себя счита-

¹ Розин В.М. Особенности дискурса и исследования в гуманитарной науке. М., 2009.

² Бауман пишет, что «холокост был не просто еврейской проблемой и не просто одним из событий одной лишь еврейской истории. Холокост возник и случился в нашем современном обществе, на высшей стадии нашей цивилизации, на пике культурных достижений человечества, и по этой причине это проблема общества, цивилизации и культуры. Самозаживание исторической памяти, которое происходит в сознании современного общества, по этой самой причине гораздо больше, чем просто оскорбление жертв геноцида. Это еще и знак опасной и самоубийственной слепоты» (*Бауман З. Актуальность холокоста.* М., 2010. С. 10).

ет, не хочет или не в состоянии адекватно осмыслить холокост и каким образом может развиваться современное общество, если может повториться (не обязательно относительно евреев) что-то похожее на холокост, и что нужно сделать, чтобы новый холокост не случился.

И в отношении изучения, скажем, тех же немцев или антисемитов, подход Баумана вполне гуманитарный. Он им предоставляет голос (цитируя их высказывания или восстанавливая их убеждения), выслушивает, старается понять, что вовсе не предполагает согласие. Как-то Марина Цветаева сказала, что от подлинного понимания до принятия всего один шаг, а часто и того нет – глубокое понимание явления и есть принятие его. Отчасти это верно, но только отчасти: ведь по-человечески понять насильника или убийцу невозможно, однако мы в исследовании можем мысленно поставить себя на их место и понять в смысле формального объяснения их поступков.

Наконец, объективное исследование Холокоста и диалогическое общение Баумана со своими персонажами не разделено китайской стеной, напротив, одно обуславливает другое.

Пожалуй, стоит отметить еще один план в подходе Баумана, а именно установку при объяснении холокоста на анализ практик и технологий. Это и понятно, учитывая, что Бауман хочет выйти на такие представления, которые бы позволили изменить ситуацию, сделать подобные социальные катастрофы невозможными. В качестве центральных практик он указывает на политику и социальную инженерию и много обсуждает социальные технологии, позволившие осуществить холокост. Но как соотносятся между собой социальная инженерия, политика и технологии, из книги неясно. Рассмотрим теперь, какие задачи в своей книге ставит Бауман и решил ли он их.

Анализ работы позволяет выделить четыре основные задачи, которые поставил перед собой и решает Бауман. На две из них мы уже фактически указали: *дать научное объяснение холокосту и осуществить критику социологии* в плане ее подхода и методов исследования, которые препятствуют пониманию этого страшно-го явления. Кроме того, Бауман многократно говорит, что общество должно извлечь «уроки из холокоста», т. е. *выявление этих*

уроков – третья задача³. Четвертой выступает своего рода политическая задача – *обратить внимание ученых и общественности на предельную актуальность холокоста*, который в той или иной форме может повториться⁴.

Подумаем сначала над третьей задачей – сформулировать уроки холокоста. С одной стороны, речь идет об объяснении, и в этом отношении она близка к первой задаче, только научное объяснение в данном случае предполагает прагматическое истолкование. С другой стороны, уроки должны быть представлены таким образом, чтобы на их основе можно было сказать, что же надо делать для блокирования явлений типа холокоста, чтобы они больше не повторились. Мы увидим, что первый аспект третьей задачи Бауман разрешает вполне удовлетворительно, а второй – значительно слабее, здесь есть серьезная проблема. Но будем двигаться последовательно.

Бауман показывает, что холокост можно объяснить, анализируя ряд моментов.

– Уникальное стечение ряда обстоятельств. Евреи, приходя на территорию национального государства, не ассимилировались в ее культуре; использовались властями для решения ряда задач, вызывающих у коренного населения протесты, в результате чего сложилась традиция и практика антисемитизма. Приход к власти в Германии фашистов и сосредото-

---

³ Один из уроков Бауман видит в трансформации нравственности человека, попавшего в социальную машину фашизма. «Нынешнее значение холокоста заключено в уроке, который он содержит для всего человечества. Урок холокоста в том, с какой легкостью большинство людей, попавших в ситуацию, не оставляющую возможности для правильного выбора или делающую подобный выбор крайне дорогостоящим, уговаривают себя отвернуться от проблемы нравственного долга (или не могут уговорить себя ему следовать), принимая вместо этого принципы рационального интереса и самосохранения» (там же, с. 243). Другие уроки холокоста, по Бауману, мы рассмотрим дальше.

⁴ «Данное исследование, – пишет Бауман, – замысливалось как небольшой и скромный вклад в то, что в сложившихся условиях представляется давно назревшей задачей громадной культурной и политической важности; задачей по переводу социологических, психологических и политических уроков холокоста в самосознание и институциональную практику современного общества... В большей степени данное исследование имеет отношение к пересмотру различных и достаточно важных областей социальных наук (и, возможно, социальных практик), который оказался необходимым с точки зрения процессов, тенденций и скрытого потенциала, обнаруживших себя в ходе холокоста» (там же, с. 13).

точение управления государством и обществом в руках одного человека. Исповедание Гитлером концепции «окончательного решения еврейского вопроса, как необходимого условия развития третьего рейха». Наличие в Германии отлаженной государственной машины и бюрократии⁵.

– Принятие в качестве доминирующей концепции создание идеального расового общества и государства, не допускающего чужеродных антропологических сред⁶.

– Подавление общества государством, управляемым пассионарной фашистской элитой⁷.

– Слабость («недоразвитость») немецкой демократии, как следствие, она и не смогла противостоять государству и контролировать его⁸.

⁵ Бауман пишет, что «только сочетание факторов является необычным и уникальным, а не сами факторы. По отдельности каждый фактор является вполне обычным и нормальным» (там же, с. 118).

⁶ «Расизм отличается порядком, частью которого он является и который находит ему рациональное объяснение: порядок, сочетающий стратегии архитектуры и садоводства с медицинскими стратегиями – посредством создания искусственного общественного строя, уничтожения элементов современной действительности, которые не вписываются в идеальный образ реальности и никогда не впишутся, так как не поддаются изменению» (там же, с. 86).

⁷ «Я, – пишет Бауман, – пришел к выводу, что холокост стал итогом уникального столкновения факторов, которые сами по себе были совершенно банальными и обычными; и что вину за такое столкновение в значительной степени следует возложить на освободившееся от общественного контроля политическое государство с его монополией на средства насилия и его дерзкой инженерией, завершивших демонтаж всех неполитических ресурсов власти и институтов общественного самоуправления». «Можно предположить, что в недалеком будущем вполне могут возникнуть ситуации, когда государству придется взять в свои руки социальное управление обществом – и тогда укоренившаяся и проверенная временем расистская позиция может снова пригодиться» (там же, с. 14, 104).

⁸ «Если мы теперь зададимся вопросом, каков же был “первородный грех”, позволивший случиться всему этому, то, похоже, наиболее убедительным ответом будет коллапс (или недоразвитость) демократии. В отсутствие традиционных авторитетов и ценностей политическая демократия – единственное, что может предохранить политику от экстремистских крайностей. Но демократия не может возникнуть в одночасье, еще больше времени ей требуется на то, чтобы прижиться и пустить корни, когда влияние былых ценностей и системы контроля разрушено – особенно если все это было разрушено с излишней поспешностью. Подобные положения “междоуцарствия” и нестабильности обычно имеют место во время и после масштабных перемен, когда старые основания социальной власти оказываются парализованными, а те, что должны прийти им на смену, пока недостаточно оформлены – в результате чего созда-

– Создание эффективной социальной машины и институтов подавления и уничтожения евреев и других нежелательных элементов⁹.

– Перерождение личности и нравственности немцев, живущих в социальных условиях третьего рейха¹⁰.

Вполне убедительна и критика Бауманом современной социологии. Она сводится, во-первых, к показу того, что социология фактически игнорирует значение и уроки холокоста, во-вторых, что

ется такое положение вещей, при котором различные политические и военные силы не служат друг другу противовесом и никак не ограничены мощными и влиятельными социальными силами» (там же, с. 138).

⁹ «Современные условия делают возможным появление “изобретательного” государства, способного заменить всю систему социального и экономического контроля на политическое управление и администрирование. Что еще более важно: современные условия обеспечивают необходимый “материал” для такого управления и администрирования. Современная эпоха, как мы помним, это время искусственного порядка и грандиозных социальных “дизайн-проектов”, время плановиков, визионеров и – в более общем плане – культивирующих нечто “садовников”, воспринимающих общество как целинную землю, которая должна культивироваться в соответствии с их планами». «Два самых известных и страшных случая современного геноцида (фашизм и коммунизм) не изменили духу современности... Они породили огромный и мощный арсенал технологий и организаторского искусства. Они произвели на свет институты, которые служат одной-единственной цели – смоделировать поведение человека до такой степени, что он будет продуктивно и энергично преследовать любую цель, причем независимо от того, получил ли он идеологическое обоснование или моральное одобрение со стороны тех, кто поставил перед ним эту цель. Эти мечты и усилия узаконивают монополию правителей на конечные результаты, а управляемым отводят роль средства. Они определяют большинство действий как средства, а средства должны подчиняться конечной цели – тем, кто ее поставил, высшей воле, высшему знанию» (там же, с. 140, 117).

¹⁰ «Готовность к действию вопреки своему собственному суждению и вопреки голосу совести – не просто следствие исходящего от власти приказа, но результат воздействия целенаправленного, недвусмысленного и монопольного источника власти. Такая готовность, вероятнее всего, появляется внутри организации, не допускающей оппозиции, не терпящей автономии, и в которой линейная иерархия субординации не знает исключения... Такая организация, однако, скорее всего, эффективна при одном или двух условиях. Она может надежно изолировать своих членов от остального общества, когда она получила или захватила контроль над жизнедеятельностью и нуждами большинства или всех членов (приближаясь тем самым к модели тотальных институтов Гоффмана), чтобы исключить возможность влияния конкурирующих источников власти. Или же она может быть просто одной из ветвей тоталитарного или квазитоталитарного государства, превращающего все свои ведомства в зеркальное отражение друг друга» (там же, с. 196).

многие традиционные социологические объяснения, например, понимание общества или человека не работают при объяснении этого явления, в-третьих, что социология уклоняется от серьезного пересмотра своего подхода и методов, в-четвертых, объясняет холокост в привычном рациональном дискурсе, не позволяющим понять это явление. Например, социологи не в состоянии объяснить тот факт, что некоторые люди, тоже находящиеся под контролем и воздействием социальной машины фашистского государства, тем не менее, сопротивлялись общей тенденции и пытались защитить евреев¹¹. По сути, Бауман выходит на новое понимание поведения человека, когда оно кардинально меняется в условиях социальных воздействий, а также различие социального индивида, принимающего социальные нормы, вменяемые государством, и действующего в соответствии с ними, и человека, как бы сказал В.С. Библер, «преодолевающего социальную и культурную обусловленность», т. е. фактически «личности». Однако у Баумана нет понятия «личность» в его теории, хотя он, конечно, пишет о личности.

Безусловно, практически безукоризненно решена четвертая задача (*обратить внимание ученых и общественности на предельную актуальность холокоста*, который в той или иной форме может повториться), причем здесь Бауман демонстрирует не только талант ученого и философа, но и яркого публициста и гуманиста.

А вот относительно третьей задача, имеющей, как отмечалось, две стороны, ситуация сложнее. Да, Бауман сформулировал уроки холокоста: перерождение нравственности в условиях слабости демократии и фашистского правления, сосредоточение всей государственной власти в руках одного человека, подавление государственного общества, опасность утопических принимаемых правящей элитой картин и концепций. Но вот какой выход из этой сложной ситуации и действительности он предлагает? Развитие демократии, блокирование утопических картин, контроль за государством, подавление элит, преследующих опасные для общества и челове-

¹¹ «После холокоста правовая практика и теория морали столкнулись с возможностью того, что мораль может проявляться в неподчинении по отношению к социально поддерживаемым принципам и в действии, открыто бросающем вызов общественному единству и согласию. Для социологической теории сама идея досоциальных оснований нравственного поведения предвещает необходимость радикального пересмотра традиционных толкований происхождения норм морали и их обязывающей силы» (там же, с. 210).

ка цели, создание новых альтернативных социальных институтов, не допускающих все указанные реалии?¹². Нет, Бауман понимает, что у общества в настоящее время нет средств, чтобы изменить все перечисленное, что он описал нормальные социальные процессы и структуры, которые постоянно воспроизводятся, причем иногда и в таких предельных формах, которые приводят к холокосту или сходным с ним явлениям¹³. Понимая это, Бауман и не дает таких рекомендаций. Но на что все же общество и сам Бауман могут воздействовать, влиять? На сознание отдельного человека, а посредством его, вероятно, но значительно меньше, на общество. Поэтому именно к личности и обращены Бауманом рекомендации, «что делать»¹⁴.

Ну, конечно, это правильно, ведь, в конце концов, даже тиран является человеком, да и люди в толпе могут быть личностями; если люди не изменят своего поведения, то ничто не изменится.

¹² Опыты Милгрэма, отмечает Бауман, показали, что «плюрализм – наилучшее профилактическое средство для морально нормальных людей, вовлеченных в ненормальные действия. Должно быть, вначале нацисты разрушили остатки политического плюрализма, чтобы начать проекты наподобие холокоста, в которых, среди прочих необходимых – и доступных – ресурсов, они рассчитывали и на ожидаемую готовность обычных людей к аморальным и бесчеловечным действиям... Голос индивидуальной совести лучше слышен в шуме политических и социальных разногласий» (там же, с. 197).

¹³ «Мы уже знаем, что ответственные за холокост институты, даже если считать их преступными, нельзя рассматривать как ненормальные или патологические в социологическом смысле. Теперь мы понимаем, что люди, чьи действия они направляли, не выходили за рамки установленных стандартов нормального поведения. Поэтому нам не остается ничего другого, как, вооружившись нашим новым знанием, вновь присмотреться к якобы нормальным образцам современного рационального действия» (там же, с. 243).

¹⁴ Второй урок, – пишет в заключении Бауман, – говорит нам, что возвышение самосохранения над моральным долгом отнюдь не предрешено, не неминуемо и не неизбежно. Можно принуждать к такому выбору, но нельзя заставить его сделать, и поэтому нельзя переложить ответственность за содеянное на тех, кто оказал давление. Неважно, сколько людей предпочли моральный долг рациональности самосохранения – важно то, что некоторые сделали это. Зло не всемогуще. Ему можно сопротивляться. Свидетельство тех немногих, кто действительно воспротивился, разбивает власть логики самосохранения. Оно показывает, в чем, в конце концов, дело – в выборе. Интересно, сколько же людей должно возмутиться подобной логикой, чтобы сделать зло беспомощным? Существует ли волшебный порог сопротивления, за которым технология зла останавливается?» (там же, с. 243).

Но можно ли такое решение считать удовлетворительным? Да, отдельные индивиды, по сути, одиночки, сопротивлялись и шли против потока, но разве речь идет о них? Нет, решение должно быть такое, которое позволяет воздействовать на многих, на обычных граждан, на массу, представители которой, вроде бы имея совесть, перестают ей следовать. Именно эта основная категория людей подвержена пропаганде, подчиняется логике и требованиям социальных институтов, далека от героизма и способности к сопротивлению.

Однако что значит воздействовать с целью изменения? Возможны два понимания. Первое – воздействие представляет собой социально инженерное действие, второе – оно скорее носит гуманитарный характер – анализ, убеждение, разъяснение, показ следствий и пр. В первом случае нужно выявить *социальные механизмы холокоста и условия*, в которых они действуют; понятно, что в настоящее время сделать это очень трудно, если возможно вообще. В лучшем случае Бауман выявляет и описывает отдельные звенья этого сложного социального механизма, что, впрочем, не так уж мало. Во втором случае воздействие можно трактовать как построение различных схем и вменение их гражданам (индивидам)¹⁵. Именно схемы при эффективном их вменении (СМИ, пропаганда, пиар) позволяют менять сознание и поведение: человек начинает видеть новую реальность, понимать, что происходит «на самом деле», иначе действовать¹⁶. Если говорить об этом втором случае, то, безусловно, воздействие книги Баумана очень большое. На основе исследования холокоста, который он провел, можно постро-

¹⁵ Розин В.М. Введение в схемологию. Схемы в философии, культуре, науке, проектировании. М., 2011.

¹⁶ Современный конфликт на Украине ярко это демонстрирует, причем с обеих сторон (так называемая информационная война). Российские СМИ и власти вменяют нашим гражданам схемы, по которым на Украине произошел незаконный переворот, украинские партии большей частью фашистские, Порошенко на востоке осуществляет геноцид, повстанцы в Донеске и Луганске защищают свое право на свободу и жизнь, российские добровольцы безвозмездно помогают им, а Россия в конфликте никак не участвует. Со своей стороны, украинские СМИ и власти транслируют и вменяют другие схемы: не переворот, а народная революция, ликвидировавшая коррупционный режим, не фашисты, а свободные строители новой жизни, не геноцид, а законная борьба с предателями и террористами, не добровольцы, а вмешательство России.

ить много различных схем, которые можно использовать (и, вероятно, уже частично используются) в политике, социальной науке, образовании, СМИ и ряде других областей.

Тем не менее нетрудно заметить, что схемы в книге Баумана слабо между собой связаны. Одни исследования, например, трансформация сознания и совести человека в тоталитарных социальных институтах или некоторые особенности фашистской бюрократии, выполнены достаточно обстоятельно, а другие, скажем, исторические предпосылки, незрелость немецкой демократии, сосредоточение всей власти в руках одного человека, только намечены. Кроме того, не ставится вопрос о связи между собой разных исследований (разных сторон и составляющих этого феномена). С одной стороны, схемы вполне могут быть не соотнесены между собой, поскольку их создают, разрешая отдельные проблемы, поставленные и интересующие Баумана, которые к тому же, как я сказал, разработаны в разной степени глубины, а некоторые только намечены. С другой стороны, стремление понять холокост в целом и выйти на рекомендации, позволяющие снизить риск повторения подобных страшных явлений, заставляет ставить вопрос о связях между собой разных исследований и схем.

Тем не менее Бауман такого вопроса не задает. Возможно, потому, что у него нет методологии изучения подобных сложных явлений как целостных культурно-исторических феноменов. Реализованный в «Капитале» Маркса метод реконструкции, как показывает А.А. Зиновьев, можно считать первым вариантом такой методологии. Зиновьев называет ее «восхождение от абстрактного к конкретному». Потом эта методология разрабатывалась в Московском методологическом кружке. Два конкретных варианта этой методологии «псевдогенетический анализ» и «культурно-историческая реконструкция» обсуждались мною и использовались при реконструкции феноменов любви, техники, права, науки и философии. Как я показываю, в рамках этих вариантов схемы строятся по определенной логике и связываются между собой. Данный подход можно назвать «анализом распределенного целого». Например, при анализе происхождения античной философии и науки я выделил и задал в схемах следующие стороны античной культуры, рассматриваемой мною как распределенное целое: *становящаяся античная личность, социальные практики, обеспечивающие ее су-*

ществование (новое судопроизводство, искусство, платоническая любовь, познание), формировании философии. В реконструкции они истолковывались как определяющие друг друга в ходе становления античной культуры. Соответственно вводились гипотезы о связи этих сторон, которые позволяли строить согласованные между собой схемы¹⁷.

Большое место в книге Баумана уделено показу того, что процессы, имевшие место в фашистской Германии, нельзя считать патологическими и необычными, они вполне нормальные, необычно было только их сочетание и предельные состояния¹⁸. Этот вывод, безусловно, правильный и очень важный. И все же можно поставить такой вопрос: а что социальные процессы и структуры (различные институты, общество, сообщества, государство), которые анализирует Бауман, – они что, с тех пор не изменились? Если «нет», то выводы Баумана сохраняют свою силу и в настоящее время, если «да», то исследование нужно проводить заново. Работы других социологов и самого Баумана заставляют остановиться на втором варианте. Действительно, мы живем во время кризиса цивилизации и перехода, причем пока неизвестно куда, как сказала Светлана Неретина, «старая реальность уходит, а новая еще не опознана»¹⁹. Процессы глобализации буквально перекраивают мир и раскрывают границы национальных государств. Бурное развитие современных технологий подрывают устоявшиеся социальные нормы и целые институты, в результате они трансформируются²⁰.

¹⁷ Розин В.М. Мышление: сущность и развитие. М., 2014.

¹⁸ «Мыслительные процессы, которые по своей собственной внутренней логике могут привести к проектам геноцида, и технические ресурсы, позволяющие осуществление таких проектов, как оказалось, не только полностью совместимы с современной цивилизацией, но также обусловлены, созданы и обеспечены ею. Холокост не просто избежал столкновения с социальными нормами и институтами современности. Именно эти нормы и институты сделали холокост реальным. Без современной цивилизации и ее важнейших ключевых достижений не было бы холокоста» (там же, с. 111).

¹⁹ Неретина С.С. Точки на зрении. СПб., 2005. С. 273.

²⁰ «Технологии и конечное использование, – отмечает патриарх западного менеджмента, – не являются постоянными и заданными» (Друкер П.Ф. Задачи менеджмента в XXI в. М.; СПб.; Киев, 2002. С. 25). Более того, они все чаще создаются, чтобы «обойти сложившиеся технологии и социальные институты» и таким путем создать условия для незаконного (или полузаконного) обогащения или получения какого-либо преимущества. Примеров здесь очень

Кстати, одно из достоинств исследования Баумана – реализация некоторых идей философии техники, в первую очередь, представлений о социальной инженерии и социальной технологии. При этом Бауман намечает важную схему, правда, заданную не понятийно, а эмпирически. Он показывает, что на первом этапе элита, захватившая власть, посылает обществу нужный для этой власти месседж; конкретно, фашисты вменяли немцам представления, по которым евреи – источник всех зол и очищение от них Германии является первоочередной национальной задачей²¹. Ко второму этапу можно отнести разработку необходимой для практического осуществления месседжа *социальной технологии* (сначала вытеснения евреев из Германии, затем полного их уничтожения). Эта технология включала в себя следующие этапы: *определение* (построение типологии, позволяющей отделить еврея от арийца, а также задать промежуточные типы)²², *увольнение служащих и экспроприация коммерческих компаний, концентрация* (дистанци-

---

мною: создание чиновниками схем, позволяющих извлекать из своих мест и функций постоянный доход (так называемое «рентостроительство»), производство с помощью кредитных карточек «виртуальных денег», позволяющее жить не по средствам, изобретение схем отмыwania грязных денег или вывода капитала за границу, разработка хакерами технологий взламывания сайтов, кражи информации или обогащения, создание социальных технологий, позволяющих государству уклоняться от контроля со стороны общества и даже манипулировать им. Когда Бауман пишет, что «современные условия делают возможным появление “изобретательного” государства, способного заменить всю систему социального и экономического контроля на политическое управление и администрирование» (*Бауман 3. Актуальность холокоста. С. 140*), речь идет именно о подобных технологиях.

- 21 Узкой руководящей части элиты адресовался другой месседж, а именно, необходимость окончательного решения еврейского вопроса.
- 22 «Определение обособляет виктимизированную группу (все определения означают разбиение целого на две части – маркированную и немаркированную) как отличную категорию, и что бы ни применялось к ней, не относится ко всем остальным. Посредством самого определения группа становится объектом особого обращения; то, что верно в отношении “обычных” людей, вовсе не обязательно верно в отношении такой группы. Индивиды-члены группы становятся теперь вдобавок экземплярами определенного вида». «Наибольшей удачи нацисты достигли в обезличивании евреев. Чем больше еврей изгонялся из общественной жизни, тем сильнее он, казалось бы, подходил под стереотипы антиеврейской пропаганды, которая, как это ни странно, становилась тем сильнее, чем меньше евреев оставалось в самой Германии» (там же, с. 224, 226).

рование от общества и помещение в лагеря смерти), *эксплуатация труда и голодомор, уничтожение*. К третьему этапу, хотя он разворачивался одновременно со вторым, нужно отнести создание *институтов*, обеспечивающих воспроизводство созданной технологии (научных институтов изучения еврейского вопроса, отделов в СМИ, «экономического отдела Главного управления имперской безопасности», лагерей смерти и других). Можно предположить, что эти три этапа (разработки и вменения месседжев, создания технологии и типологий, формирования институтов) характерны для процессов «социальной технологизации» и в других социальных областях. Из работы Баумана можно извлечь еще две характеристики, проясняющие особенности социальной технологии, причем не только фашистского государства.

Современный геноцид, – пишет он, – является элементом социальной инженерии, призванной построить социальный порядок, соответствующий структуре идеального общества.

Для инициаторов и руководителей современного геноцида общество служит предметом плановой и осознанной разработки. Можно и нужно максимально совершенствовать общество, а не только менять лишь отдельные элементы из многих, улучшать его лишь местами, исцелять лишь некоторые из его тяжелых заболеваний. Можно и нужно ставить перед собой более амбициозные и радикальные цели: можно и нужно перестраивать общество, силой приводить его в соответствие с общим, научно обоснованным планом²³.

Что еще Бауман понимает под социальной инженерией? Две вещи: бюрократию и рационализм²⁴. Из текста книги можно понять, что бюрократия, по Бауману, – это популяция чиновников, действующая «целерационально» (термин М. Вебера), и что, не менее существенно, сообщество, полностью лишенное моральных и нравственных переживаний, точнее, если даже такие переживания имеют место, то они никак не влияют на действия и решения чиновников-бюрократов. По сути, бюрократ так специализировался в своей профессии, что все его человеческие способности и сознание преобразились в «винтики» и «колесики» социальной машины (института). В этом смысле бюрократия представляет собой социальную технологию, но существующую в форме антропо-

²³ Бауман З. Актуальность холокоста. С. 113.

²⁴ Там же.

логического материала и конструкции. Да, без людей социальная машина встанет, но, чтобы она эффективно работала, нужны не обычные люди с их переживаниями и экзистенциями, а специалисты – т. е. элементы социальной машины; это и есть бюрократия.

В свою очередь рациональность относится к плану формирования социальной инженерии. Дело в том, что любая технология, ориентированная на образцы инженерии, предполагает разбиение живых процессов на отдельные типы и операции, выявление условий, позволяющих их воспроизводить, установление связей и отношений между данными типами, операциями и условиями. При этом речь идет не об отдельных случаях, а о массовых и воспроизводимых (специалистами), поэтому все эмоции, переживания и тому подобные соображения должны быть элиминированы. Логика технической рациональности – это логика машины и индустриального массового производства, логика экономии и качества. В эффективной социальной машине не могут работать конструкции, ведущие себя не как механизмы, а как обычные люди, не свободные от переживаний и нравственных ценностей. Бюрократия исторгает таких людей и, наоборот, культивирует и поддерживает тех, кто ничем не отличается от бездушных винтиков и колесиков бюрократической социальной машины. Сам Бауман рассказывает о бюрократии и рациональности другим языком, но думаю, суть я уловил правильно, хотя, конечно, расширил понимание обоих указанных явлений.

Если двигаться к теоретическому осмыслению холокоста, то стоит задать и такой вопрос, а почему люди, если речь идет о массовом поведении и поступках, ведут себя как бюрократы или послушные жертвы? Заканчивая свое исследование, Бауман говорит о двух основных уроках холокоста. Он пишет, что первый «урок холокоста в том, с какой легкостью большинство людей, попавших в ситуацию, не оставляющую возможности для правильного выбора или делающую подобный выбор крайне дорогостоящим, уговаривают себя отвернуться от проблемы нравственного долга (или не могут уговорить себя ему следовать), принимая вместо этого принципы рационального интереса и самосохранения... Второй урок говорит нам, что возвышение самосохранения над моральным долгом отнюдь не предрешено, не неминуемо и не неизбежно. Можно принуждать к такому выбору, но нельзя заставить его сделать, и

поэтому нельзя переложить ответственность за содеянное на тех, кто оказал давление. Неважно, сколько людей предпочли моральный долг рациональности самосохранения – важно то, что некоторые сделали это. Зло не всемогуще. Ему можно сопротивляться»²⁵.

Зададимся таким вопросом: что, большинство людей слабы или безнравственны и только единицы достойны звания человека, ведь именно так получается у Баумана? Вряд ли с этим можно согласиться. Но в таком случае, вероятно, нужно присмотреться, что собой представляет обычный человек. Бауман правильно отмечает, что социологическое понимание человека неудовлетворительно, оно не может объяснить, почему люди ведут себя асоциально или нравственно, почему могут сопротивляться общим тенденциям и нормам. «После холокоста, – пишет Бауман, – правовая практика и теория морали столкнулись с возможностью того, что мораль может проявляться в неподчинении по отношению к социально поддерживаемым принципам и в действии, открыто бросающем вызов общественному единству и согласию. Для социологической теории сама идея досоциальных оснований нравственного поведения предвещает необходимость радикального пересмотра традиционных толкований происхождения норм морали и их обязывающей силы»²⁶.

Указывая на то, что нравственное поведение и сопротивление не могут быть объяснены в социологической теории, утверждающей, что поведение человека задается и детерминируется социальными нормами и механизмами, Бауман, тем не менее, не находит понятий для осмысления указанного феномена (вероятно, поэтому он говорит, что основание нравственного поведения «досоциально», внесоциально). В то же время, если бы он знал работы нашего философа Владимира Соломоновича Библера, то смог бы разрешить эту проблему, разведя «социального индивида» и «лич-

²⁵ Бауман З. Актуальность холокоста. С. 243.

²⁶ Там же. С. 210. «Процесс социализации заключается в манипуляции нравственной способностью, а не в ее производстве. А манипулируемая нравственная способность влечет за собой не только определенные принципы, которые позднее становятся пассивным объектом социальной обработки; она включает также способность сопротивляться, уклоняться этой обработке и осилить ее, так что в конце концов власть и ответственность за нравственный выбор остается все там же: в руках человека» (там же, с. 212).

ность». Личность, по Библеру, это как раз такой индивид, который способен преодолевать социальную и культурную обусловленность²⁷. В отличие от личности социальный индивид действует строго в соответствии с нормами социальных структур (социальных институтов, традиций, обычаев).

Материал исследования холокоста заставляет ввести еще одно важное понятие – «контекстного поведения человека». Дело в том, что человек в современной культуре не является самотождественным, попадая в разные условия, особенно угрожающие жизни и благополучию, он ведет себя как совершенно разные субъекты. И дело здесь не в разных ролевых позициях, а именно в кардинальной трансформации сознания, психики и поведения. Примерно об этом же, обсуждая мультикультурализм, пишет Сейла Бенхабиб²⁸.

Итак, вероятно, необходимо различать три горизонта и области существования человека: человек как социальный индивид, как личность и как контекстный субъект. Реальный поступок человека – это *результатирующая этих трех сил в конкретных ситуациях и в ходе его эволюции*. Иногда перевес на стороне первой силы, иногда – второй, значительно реже – третьей.

Как правило, экзистенциальный поступок завершает собой сложную и часто длительную *эволюцию личности*. Св. Августин в «Исповеди» рассказывает, как он много лет пытался понять, что такое Бог, и только после ряда кардинальных открытий смог пере-

²⁷ Библер В.С. Образ простеца и идея личности в культуре средних веков // Человек и культура. М., 1990.

²⁸ «Быть и стать самим собой – значит включить себя в сети обсуждения... Мультикультурализм, – пишет С. Бенхабиб, – слишком часто увязает в бесплодных попытках выделить один нарратив как наиболее существенный... Мультикультуралист сопротивляется восприятию культур как внутренне расщепленных и оспариваемых. Это переносится и на видение им личностей, которые рассматриваются затем как в равной мере унифицированные и гармоничные существа с особым культурным центром. Я же, напротив, считаю индивидуальность уникальным и хрупким достижением личности, полученным в результате сплетения воедино конфликтующих между собой нарративов и привязанностей в уникальной истории жизни... Трактовка культур как герметически запечатанных, подчиненных собственной внутренней логике данностей несостоятельна... Культурные оценки могут переходить от поколения к поколению только в результате творческого и живого участия и вновь обретаемой ими значимости» (Бенхабиб С. Притязания культуры. Равенство и разнообразие в глобальную эру. М., 2003. С. 17, 19, 43, 122).

жить открытие божественной реальности. Так, Августин с помощью сведущих в христианстве людей уяснил, что тексты Священного Писания нельзя понимать буквально, иначе, действительно, будут одни противоречия и несуразицы. Он понял, что Библию и Евангелие надо трактовать иносказательно, аллегорически и символически. Августин последовательно переосмысливает идею христианского Бога: сначала он уходит от антропоморфного понимания Творца, затем пытается представить Бога в виде тонкого эфира или пространства, пронизывающего все вещи, все, но и при таком понимании остаются противоречия. Тогда Августин делает решающий шаг, представляя Бога в виде истины и условия творения. В этом случае Бог везде и нигде, он не антропоморфен, обеспечивает правильное понимание мира, природы и человека, как их Творец и истина. И одновременно нарастали мучительное неприятие обычной жизни и тяга к христианству. Все это и подготовило поступок и переворот сознания Августина.

Я разошелся со своим учителем, Г. Щедровицким и по содержанию и в этическом плане, после почти десяти лет самостоятельной работы, смены проблематики исследования (с естественно-научной на гуманитарную), продумывания своих идеалов, полемики со Щедровицким по поводу подхода и форм работы в Московском методологическом семинаре.

Будучи личностью, человек уже не может действовать как все, по традиции или обычаю, исходя из общепринятой и общезначимой реальности. Он ищет опоры в самом себе и в мире, которые отвечает его убеждениям. Если же его «Я» и мир перестают отвечать его чаяниям, именно в силу эволюции личности, человек рано или поздно переживает кризис и вынужден менять и то и другое. Необходимое условие такой трансформации и метаморфозы – поступок и творчество. Поступок позволяет расстаться с прошлым, оценить его негативно, сделать шаг в будущее. Но чтобы такие расставание и шаг стали возможными, личность должна обрести новое видение, выйти на новую реальность, ощутить себя по-новому, что обязательно предполагает творчество – построение дискурса, изобретение схемы, диалог и пр. Правда, есть поступок и поступок. Для духовного переворота все же нужно иметь уже достаточно развитое сознание, а также нравственные требования к себе.

Заканчивая анализ замечательной работы Баумана, я хотел бы, чтобы у читателя не сложилось впечатление, что я его критикую. Более глубокого и интересного исследования я давно не встречал. Нет, речь идет о другом: понять, какие проблемы поставил Бауман, нельзя ли указать на границы его подхода, в каком направлении нужно двигаться дальше в плане научного мышления. Например, как можно осмыслить уроки холокоста, учитывая, что государство создало и успешно применяет социальные технологии, позволяющие эффективно манипулировать обществом, или что делать, когда быстро, буквально на наших глазах, меняется социальность и человек? И таких вопросов при чтении книги Баумана возникает очень много, что свидетельствует о важности проведенного исследования.

Список литературы

- Бауман З.* Актуальность холокоста. М.: Европа, 2010. 316 с.
- Бенхабиб С.* Притязания культуры. Равенство и разнообразие в глобальную эру. М.: Логос, 2003. 350 с.
- Библер В.С.* Образ простеца и идея личности в культуре средних веков // Человек и культура. М., 1990. С. 81–125.
- Друкер П.Ф.* Задачи менеджмента в XXI в. М.; СПб.; Киев: Вильямс, 2000. 272 с.
- Розин В.М.* Особенности дискурса и образцы исследования в гуманитарной науке. М.: Кн. дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 208 с.
- Розин В.М.* Введение в схемологию. Схемы в философии, культуре, науке, проектировании. М.: Кн. дом «ЛИБРОКОМ», 2011. 256 с.
- Розин В.М.* Античная культура. Этюды-исслед. М.: Изд-во Моск. психолого-соц. ин-та, 2005. 272 с.
- Розин В.М.* Мышление: сущность и развитие. М.: Ленанд, 2014. 358 с.

**Essay in an interdisciplinary social research
(Based on the book by Z.Bauman
“Modernity and The Holocaust”)**

Vadim Rozin

DSc in Philosophy, Leading Research Fellow. Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. Volkhonka Str. 14/5, Moscow 119992, Russian Federation; e-mail: rozinvm@gmail.com

The article analyzes the book by Z.Bauman “Modernity and The Holocaust”, recently translated into Russian language. The author reconstructs four main objectives set by Bauman: to give a scientific explanation of the Holocaust, to involve society and sociologists into the new understanding of this terrible phenomenon, to carry out criticism of sociological methods, to formulate the lessons of the Holocaust. Bauman discusses an approach to solving these problems: He thinks not only as a scientist, but also as a philosopher and methodologist, and as a publicist. The “findings” of Bauman during the solution of these problems are analyzed: a combination of different methods of study (historical, humanitarian, sociological, cultural, social, psychological, institutional), analysis of the impact of the social machines on the social consciousness and actions of individuals, the implementation process (social-engineering) approach breeding two anthropological horizons – societal and personal. The analysis methods used by the author are comparative analysis, methodological problematization, reconstruction of the text, hermeneutics and synthesis. The impression is that Bauman uses the Holocaust rather as a material to find new ways to study social phenomena. In addition, it shows that the main causes of the Holocaust were: an unusual set of circumstances, the European tradition of anti-Semitism, the implementation of the state of racial theory of the Nazis, social-engineering approach to society and the individual, the transformation of consciousness of individuals and of the masses under the influence of a well-functioning social technology.

Keywords: society, the Holocaust, social engineering, technology, government, ethics, morality, resistance, action, the reform

References

Bauman, Z. *Aktual'nost' kholokosta* [Modernity and The Holocaust]. Moscow: Evropa Publ., 2010. 316 pp. (in Russ.)

Benhabib, S. *Prityazaniya kul'tury. Ravenstvo i raznoobrazie v global'nyu eru* [The Claims of Culture: Equality and Diversity in the Global Era]. Moscow: Logos Publ., 2003. 350 pp. (in Russ.)

Bibler, V.S. "Obraz prostetsa i ideya lichnosti v kul'ture srednikh vekov" [Revolt image and the idea of the individual in the culture of the Middle Ages], *Chelovek i kul'tura* [People and Culture]. Moscow: Progress Publ., 1990, pp. 81–125. (in Russ.)

Drucker, P.F. *Zadachi menedzhmenta v XXI veke* [Management Challenges for the 21st Century]. Moscow, St.Petersburg, Kiev: Vil'yams Publ., 2000. 272 pp. (in Russ.)

Rozin, V.M. *Osobennosti diskursa i obratzsy issledovaniya v gumanitarnoi nauke* [Features and patterns of discourse research in the humanities]. Moscow: Librokom Publ., 2009. 208 pp. (in Russ.)

Rozin, V.M. *Vvedenie v skhemologiyu. Skhemy v filosofii, kul'ture, nauke, proektirovanii* [Introduction to schematology. Schemes in philosophy, culture, science, engineering]. Moscow: Librokom Publ., 2011. 256 pp. (in Russ.)

Rozin, V.M. *Antichnaya kul'tura. Etyudy-issledovaniya* [Ancient culture. Etudes-Research]. Moscow: Moscow Psychological and Social Inst. Publ., 2005. 272 pp. (in Russ.)

Rozin, V.M. *Myshlenie: sushchnost' i razvitie* [Thinking: the nature and development]. Moscow: Lenand Publ., 2014. 358 pp. (in Russ.)